

П.В.РОМАНОВ, Е.Р.ЯРСКАЯ-СМИРНОВА

“ДЕЛАТЬ ЗНАКОМОЕ НЕИЗВЕСТНЫМ...”: ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ МЕТОД В СОЦИОЛОГИИ

В какой мере этнография, проникнув в социологию, перестала быть дисциплиной в собственном смысле слова? Можно ли назвать этнографию особым жанром научного текста? Какова гносеологическая природа этнографического метода, где, когда и при каких условиях он формировался? В предисловии к “Социологии, основанной на этнографии” Ш.Летурно отметил, что “обнять всю область социологии одним взглядом нет никакой возможности, так как при изучении ее необходимо принимать во внимание не только разнообразные проявления человеческой деятельности, но и внешние условия” [1]. С тех пор сменялись образцы теоретического объяснения, и методологические построения из научных текстов проникали в общественно-политический дискурс. Эволюция научной методологии оказывалась тесно связанной с внешними условиями – социальным контекстом воспроизводства знания, динамикой научных институтов, политическими процессами.

Власть этнографии

В 1990-х годах на страницах “Этнографического обозрения” прошла дискуссия по методологии и эпистемологии этнографии. На ней прозвучал своего рода вызов со стороны тех, кто назвал сложившуюся в отечественной этнографической науке традицию позитивистской, объективистски-универсалистской, противопоставив ей “доброкачественный релятивизм” [2]. Ответом стали следующие авторитетные мнения: “Поскольку мы говорим об этнологии, нам необходимо признать объективистскую концепцию” [3], причем “единственной теорией познания, согласующейся с наукой, является теория отражения” [4].

Объектом будущих этнологических изысканий, согласно экспертным оценкам, станут исчезающие этносы и слабоизученные народы, конфликтующие этносы и этносы со сложной внутренней структурой. Кроме того, судя по прогно-

Романов Павел Васильевич – кандидат социологических наук, научный сотрудник Института сравнительных исследований трудовых отношений и социологической лаборатории Самарского педагогического университета. Адрес: 443035 Самара, Коломенский пер., д.7, кв. 11. Телефон: (8462) 942591. Электронная почта: romanov@soc.samara.su. **Ярская-Смирнова Елена Ростиславовна** – доктор социологических наук, заведующая кафедрой социальной работы Саратовского государственного технического университета. Адрес: 410600 Саратов, ул. Советская, д. 64/70, кв. 107. Телефон: (8452) 510592. Электронная почта: slava@slava.saratov.su

зам, в будущем ожидается преобладание прикладных этнологических исследований, в результатах которых заинтересована сфера управления [5].

Несколько статей в других журналах привлекли внимание читателей достаточно новым акцентом на психологических, интерактивных аспектах этнографического исследования [6], а также его полезности для модернизации: "Крупные торговые фирмы и транснациональные корпорации, предполагающие разместить предприятия за рубежом, собирают информацию о культуре труда местного населения. Этнография и культурология все больше теряют статус "отвлеченных", "академических" дисциплин" [7].

В связи с дискуссией о кризисе этнографии почти никто не вспоминал об этносоциологии как попытке соединить этнографию с социологическим методом. Культура определялась этносоциологами "не только как материальные и духовные продукты человеческой деятельности, но и как ценности, нормы, признанные способы поведения" или "социально-этически нормированное человеческое самовыражение" [8]. Тем самым удавалось избежать деления культуры на материальную и духовную, не учитывающего социальных взаимодействий и изолирующего науки о культуре от наук о человеке и обществе. Однако с этой интерпретативной установкой парадоксальным образом уживалась объективистская логика исследовательских программ. В фокусе этносоциологических исследований в 1970-е годы — типичные для марксистского анализа проблемы сравнения культурного уровня и сближения советских наций [9]. Еще одна особенность механического слияния этнографии и социологии — преобладание количественного методического инструментария над классическими приемами описательной антропологии. Кроме того, породив этносоциологию, социология и этнография должны были разойтись в разные стороны, чтобы не поколебать собственных дисциплинарных границ. В связи с этим Ю.В.Бромлей предупреждал, "чтобы этносоциология ни в коем случае не сводилась к изучению просто социальных параметров наций (без корреляции с этническими факторами), это будет уже просто конкретная социология" [10].

И теперь, как двадцать лет назад, социология противопоставляется этнографии. Согласно мнению экспертов, одна из причин кризиса отечественной этнографии — "увлечение социологией (в ущерб собственно этнографии)". Под социологическими понимаются строго формализованные методы сбора эмпирической информации [11].

Особенностью институциональной организации отечественной этнографии было ее преподавание на исторических факультетах университетов. Это также не способствовало проникновению в социологию "этнографического" взгляда на социальный объект. Различия в трактовке предметной области советской и западной этнографии весьма показательны. Советская традиция была сосредоточена на исследовании материальной и духовной культуры народов. Западную этнографию, на наш взгляд, отличает выбор в качестве предмета исследования культурной группы.

Вряд ли случайным является то, что, несмотря на общемировое признание за этнографией функции изучения культур, у нас она определяется лишь

как наука о культуре народов. В России и сейчас распространено мнение, что задачи этнографии включают поиск и описание культур, удаленных от исследователя во времени или пространстве. Согласно этой точке зрения, “изучаемое общество не сводится к совокупности взглядов туземцев, ... оно представляет собой социальную реальность, которая частично существует совершенно независимо от сознания людей, частично же в значительной степени независимо от него. И представления людей об этой социальной реальности во многом носят не адекватный, а иллюзорный характер. В большинстве изучаемых этнографами обществ науки не существует, нет научного представления ни о своем, ни о других обществах. Есть просто обыденные представления. Конечно, туземные понятия нужно знать, но никакая их совокупность не может дать научной картины этого общества” [4].

Воспользуемся известным антропологическим приемом и зайдем в предметное поле советской этнографии “с черного хода”: выясним, каким этнокультурным общностям было отказано во внимании советскими этнографами. Прежде всего это – современный русский этнос, расселенный в крупных индустриальных центрах. Из авторитетного учебного пособия того времени узнаем, что этнографические изыскания должны быть посвящены малым этническим группам или “традиционным культурам” [11]. Последние изучались на материале как малых народов, так и русских, но лишь в той их части, которая представлена сельским населением или горожанами, сохраняющими традиционный уклад. Сравнение современных культурных форм городской жизни для выяснения роли этнического фактора осуществлялось в рамках этносоциологии на основе позитивистской модели анализа – выборочных исследований с применением формализованного интервью [12].

Исследования русского этноса в условиях современного индустриально-города вплоть до 1990-х годов за редким исключением были выведены за рамки классического этнографического анализа. Основная причина этого, на наш взгляд, следующая. Научные исследования в любом обществе являются инструментом социального контроля и управления. В этом смысле некоторые общности (например, интеллигенция, рабочие, русские) вряд ли могли стать объектом этнографического изучения, поскольку представляли самих исследователей или рациональное, наиболее развитое большинство, агентов индустриализации и носителей политически оправданного профессионализма. Возможно поэтому русские-горожане до недавнего времени практически не привлекали внимание этнографов: ведь у них как бы отсутствовала этническая культура. Это подтверждала и программа “Оптимизации социально-культурных условий развития и сближения советских наций”, согласно которой процессы индустриализации и урбанизации создают основу для “общности в образе жизни и культуре народов, в процессе трансформации которой национальные особенности тем дальше, чем больше перемещаются из сферы материальной в духовную, социально-психологическую” [13, с. 109]. Таким образом, в фокусе этнографического, да и этносоциологического исследования, как правило, оказывались лишь те русские, которые бы-

ли “антропологически чуждыми” исследователю – удаленные исторически [14], географически [15], носители традиционных укладов – сельские жители [16], “русские издалека” – мигранты из ближнего зарубежья [17].

С нашей точки зрения, этнография, как и любая социальная наука, отчасти является социальным инструментом, призванным утверждать и поддерживать порядок властных иерархий. Реализация господства достигается различными способами. Среди них – создание идеологем и символических классифицирующих сеток, воспроизводящих и оправдывающих реальные формы стратификационного неравенства, производство социальной нормы, основанной на усредненной политически выгодной схеме, в ущерб маргинальным формам социальной деятельности.

В этнографии это достигалось с помощью идеи ассимиляции малых этносов через интеграцию всех народностей в новое социально-культурное образование – “советский народ”. Аналитическим средством, которое использовалось в этом случае, явилось ортодоксально-марксистское толкование диалектики “общего” и особенного, неявно опирающееся на посылку о тотальности некоего избранного культурного образца. “Общесоветские традиции, единые по содержанию и национальные по форме”, создавались на основе оценочного подхода к культуре. Выработывались критерии прогрессивности культуры, причем противопоставление европейских и азиатских культур (“типов социально-культурного облика народов”) связывалось с различным уровнем урбанизации регионов СССР. Различия, разумеется, подлежали ликвидации: отставшие народы должны были подтянуться до уровня самых урбанизированных наций страны [13, с. 106, 119, 123]. Урбанизованный значило лучший, и уверенность в абсолютном, универсальном характере собственных ценностей вела к аскриптивным статусным претензиям русских-горожан. При этом помещение в предметное поле этнографического исследования удаленных (в различных смыслах) этничностей укрепляло их в статусе маргинальных меньшинств. Тем самым сохранялся в неприкосновенности источник рациональности — интеллектуальные претензии колонизирующего русского большинства.

Если четверть века назад подобная фразеология была оправдана социально-политическим контекстом, то социальные трансформации 1990-х годов в России требуют переформулировать эпистемологические основания социальных наук. Формируется новый методологический инструментарий, более адекватный в современных условиях перехода к полиструктурному социальному и культурному пространству, глобализации социальной жизни [18]. Эти процессы активно проникают в российскую этнографию; произошла институционализация социальной антропологии в качестве научной и учебной дисциплины, и традиционные подходы к изучению культур постепенно уступают место более современным [19]. С отставанием в добрых шестьдесят лет по сравнению с западной наукой этнографический метод с применением глубинного интервью и открытого включенного наблюдения используется для изучения современной городской жизни [20], крестьянского труда [21], промышленных организаций [22].

От этнографии к этнографиям

На наш взгляд, понятие “этнографии” относится к трем разным сферам производства и репрезентации научного знания: дисциплина, жанр и метод. Жанр этнографии скорее характеризует детальный описательный характер научной репрезентации. В таком смысле указанный термин можно встретить как в антропологических, так и социологических работах. В социологии к настоящему времени сложилось понимание этнографии как непозитивистской, или качественной, методологии.

Этнографические методы чаще всего связываются с включенным наблюдением – исследовательской практикой, характеризующей классический этнографический инструментарий. Особенности познавательного аппарата этнографии оказались привлекательными при изучении социальных феноменов развитых индустриальных обществ и постепенно оформились в самостоятельную традицию исследования городской жизни, организаций и социальной стратификации.

В то же время понятие этнографического метода часто используется в качестве синонима этнографии. Публикаций, в которых анализируется его содержание, особенно много на английском языке [23], существуют и отечественные работы [24]. В рассматриваемой социологической традиции под этнографическим подразумевается метод теоретического анализа культуры. Здесь культура относится к способу существования и смысловому универсуму всякой группы людей, объединенных общими условиями жизни, труда, интересами или проблемами. Особенно часто в фокус этнографического исследования попадает какая-либо организация, социальная целостность, например, больница, школа или даже школьный класс, фабрика, полицейский участок, магазин. В другом случае исследуются социокультурные особенности той или иной профессиональной, возрастной, гендерной или субкультурной группы, например, этнография пожилых, рокеров, угонщиков автомобилей, стюардесс и пожарных, обитателей городских трущоб [25].

В специальном выпуске “Журнала современной этнографии”, выходящего на английском языке, который называется “С этнографией в 21 век”, содержатся статьи, отражающие новейшие направления этнографической методологии. Редакторы журнала убеждены, что альтернативой дискредитированным методам объективистской социальной науки являются не релятивизм, солипсизм или цинизм, но такие способы выражения мысли, которые приглашают аудиторию к активному взаимодействию с различными сферами человеческого бытия, где жизненные ситуации оказываются комичными, трагичными или абсурдными, где существует бесконечное число возможностей творить и проживать реальную жизнь. Стиль работ современных этнографов, чье научное творчество отходит от канонических форм повествовательной этнографии, предполагает помещение себя – автора – в центр повествования, но при этом усиливается стремление ощущать присутствие читателя. Формы и способы написания стали неотъемлемой частью того, что называется этнографическим методом. Цель этнографа – не только знать, но и

чувствовать, ощущать этнографическую “истину” и потому становиться как можно более и полнее вовлеченным – в моральном, эстетическом, эмоциональном и интеллектуальном смыслах. Истории, рассказанные этнографами будущего, “смогут пробудить субъектность и эмоциональную реакцию читателей. Эти истории будут существовать, пересказываться, анализироваться, своими конкретными интимными деталями они составят компанию одиночеству абстрактных фактов” [26]. Особое внимание в журнале, как видим, уделяется жанровой специфике этнографических работ. Этнография понимается еще и как особый *жанр* научного повествования.

Тенденция определять этнографию как рефлексивную методологическую ориентацию приводит к тому, что объектом исследования могут быть любые группы людей, включенных в осмысленное поведение. Приоритетом остается смысл их деятельности, и, по мнению Д.Альтхайде, в этом случае даже продукты социального взаимодействия могут изучаться этнографическим способом. Этот автор разрабатывает этнографический подход к анализу средств массовой информации (этнографический контент-анализ) [27].

То, что аудитория получает в результате знакомства с этнографическими работами, – не заключение, вывод или доказательство. *Интерактивная* и *рефлексивная* этнография никогда не закрывает потенциальную дискуссию, она лишь дает улучшенное понимание, способность тонкого, но не поверхностного, а глубоко интимного общения с темой и субъектами исследования. Важнейшее испытание для этнографии сегодня – это переход от описания к коммуникации. При этом исследователи становятся частью того мира, который они изучают, изменяют и конструируют. Они отказываются от эпистемологии описания, предпочитают предписывать и приписывать порядок стабильному социальному миру, существующему вне и независимо от исследователя.

В мировом академическом сообществе применение этнографического метода считается чрезвычайно важным не только в исследовании традиционных культур, но и современных, комплексных обществ. Однако собственно этнический фактор здесь выступает на равных с другими культурно специфицирующими факторами, поэтому этнография в такой трактовке является социологическим *подходом*. Очевидно, что методологические и эпистемологические основания такой этнографии кардинально меняются по сравнению с тем, что составляет фундамент объективного эволюционизма XIX века с его идеями культурного уровня и прогресса. Для отечественных этнографов термин “понимание” “лишь запутывает дело. Если обратиться к материалистической теории познания, теории отражения, то становится ясным, что понимание действительности есть не что иное, как выявление ее сущности. С этой точки зрения становится ясным и что такое объяснение, которое рассматривается как одна из функций теории. Объяснить явления – значит показать, какая именно сущность скрывается за ними. Никакой особой теории понимания природной и социальной реальности, которая бы отличалась от теории познания, существовать не может. Совсем иное – выявление смысла текстов и проникновение в переживания другого человека. Первое – дело филологии, вторым же больше всего занимается искусство” [4].

Напротив, этнографический метод в его современном ракурсе основывается на понимающей социологии М.Вебера, феноменологии А.Шюца, социальном конструктивизме П.Бергера и Т.Лукмана. Здесь применяется социологический подход к культуре как идеям, в совокупности составляющим генеральное определение жизненной ситуации людей [28, с. 76], а этнография представляется как задача понимающего, даже интерактивного описания определенной культуры.

Типы этнографического дискурса: исторический очерк

Понятие “этнография” весьма многозначно. Для этнологии, культурной и социальной антропологии, социологии культуры характерно значительное сходство методологии и размытость границ предметных областей. Становление этих дисциплин как научных направлений определяется работами ученых, которых можно в равной степени отнести к классикам социологии и антропологии – Э.Дюркгейма, Б.Малиновского, А.Рэдклифф-Брауна, М.Мосса.

Эпистемология этнографических исследований, которые Н.Дензин и И.Линкольн [29] называют традиционными, или классическими, отражает результат длительного постижения западной цивилизацией социальной инаковости как значимого культурного концепта. Географические открытия XVI-XVIII веков дали возможность по-новому представить культурные отличия “другого” в ранней этнографии. Повествования этого периода – свидетельства очевидцев о далеких народах и странах, неведомых доселе событиях, увиденных за морем, в ином географическом и культурном пространстве. Первоначальные описания “других” культур отличал акцент на экзотике, порой они пестрели вымыслами; страх и враждебность увеличивали дистанцию между различными культурами. Сегодня подобные репрезентации стимулирует индустрия туризма: многочисленные иллюстрированные журналы привлекают путешественников в неизведанные края, демонстрируя красоты природы, экзотику внешнего вида туземцев, их традиций, обихода, кулинарных изысков или уникальность материальных артефактов.

Сегодня ясно, что ценность этнографического описания не связана лишь с экзотикой. Благодаря современным этнографиям часто обнаруживается, что существуют такие черты знакомых мест, групп, условий, о которых в действительности было мало известно, но знание о них подчас может весьма глубоко изменить наши представления. Большая часть современных этнографических работ в области социологии связана с подходом, который М.Хаммерсли определяет следующим образом: “Делать знакомое неизвестным” [30].

Следующий этап развития этнографических исследований совпадает с колониальной экспансией европейских государств (вторая половина XVIII – конец XIX веков). Этнографическое описание стало принимать форму научного дискурса. В этот период записки путешественников читаются уже не из простого любопытства, а с целью расширить и систематизировать представления о многообразии форм человеческого существования. Основным видом такого описания стали отчеты представителей колониальной администрации,

предназначенные для метрополии. В этих текстах европейская культура выступает вершиной духовного развития человечества, в то же время все иные образцы культурной жизни представлены как примитивные свидетельства начальных этапов развития. Социальной функцией антропологического знания, таким образом, стало отражение империалистических притязаний западноевропейских государств на глобальную “окультуривающую” роль в странах третьего мира.

Другую особенность этнографических текстов этого периода Н.К.Дензин и И.С.Линкольн обозначили понятиями “монументализм” и “вневременность” описания [29, р. 7]. Ими характеризуются работы наиболее ярких представителей этнографии XIX века – Г.Спенсера, Э.Б.Тайлора, Л.Г.Моргана, Ш.Летурно. Для монументализма скорее характерно стремление к накоплению материальных свидетельств культуры, “музейфикация”, то есть игнорирование социальной стороны жизни изучаемых сообществ [28, с. 22]. Вневременный характер научного текста заключается в том, что не принимается во внимание развитие “первобытных” обществ, наблюдаемые процессы рассматриваются без учета социальной динамики.

Вместе с тем уже в классической этнографии (или, говоря иными словами, описательной антропологии) произошло открытие европейским человеком “культурного другого” как важного инструмента самоидентификации и познания собственной культуры.

Третий этап продолжался с начала XX века до Второй мировой войны. В это время качественные исследователи давали “объективную”, колонизаторскую оценку полевого опыта, отражающую позитивистскую сциентистскую парадигму. Полевой исследователь стал неустранимым романтиком, первооткрывателем, который возвращается с работы, рассказывая о странных людях, и создает картины, которые проще и красивее самой жизни. Это ученый, способный создать сложную теорию о предмете исследования, опираясь на имеющиеся в его распоряжении эмпирические данные. Тексты этого периода, который Р.Росальдо [31] назвал временем Одинокого Этнографа, следовали нормам классической этнографии: объективизму, империализму (другие культуры рассматриваются как недоразвитые по сравнению с западноевропейской), монументализму и вневременности.

Для исследований позднего колониального периода характерен отказ от эволюционистской парадигмы в пользу функционализма. В поле зрения ученых оказываются динамические процессы, порожденные вмешательством европейской цивилизации, главным образом те, которые характеризуют столкновение культур в колониях. До определенного момента понимание этих феноменов было ограничено специфической позицией европейских ученых-наблюдателей: основным инструментом являлось прямое наблюдение. Метод включенного наблюдения, получивший развитие в работах Б.Малиновского, А.Р.Рэдклифф-Брауна и И.И.Эванс-Причарда, позволил увидеть, что “примитивные” народы обладают сложной структурой родственных связей, развитой мировоззренческой системой и комплексом социально-экономических отношений.

Особое место занимают тексты Чикагской школы, относящиеся к 1920-м годам. Этнографический подход в социологии часто связывают с символическим интеракционизмом, восходящим именно к этой научной традиции. Взамен наблюдателя, находящегося вне объекта исследования, чья деятельность направлена на описание социального поведения в терминах внешней по отношению к индивиду причинности, Чикагская школа подчеркнула роль “включения” социального исследователя в жизнь объекта. Такое “гуманистическое” видение науки, когда обществоведы необходимо обладать эмпатией по отношению к тем людям, которых он изучает, восходит к описательной психологии В. Дильтея.

В. Дильтей мог бы выразить суть этнографического метода как движения к пониманию социально-типичного через детальное описание единичного: “Человеческие расы, нации, общественные классы, профессиональные формы, исторические ступени и индивидуальности, – все они являются дальнейшими разграничениями индивидуальных различий в рамках единообразной человеческой природы... Выражением такого положения вещей является то, что умственное и духовное состояние целой эпохи может быть представлено в одном индивидуе” [32].

Этнографический метод относится к интерпретативной парадигме, специфически важным для которой “является прежде всего поведение, которое, во-первых, по субъективно предполагаемому действующим лицом смыслу соотнесено с *поведением других* людей, во-вторых, *определено* также этим его осмысленным соотнесением и, в-третьих, может быть, исходя из этого (субъективно) предполагаемого смысла, понятно *объяснено*” [33]. Позднее в символическом интеракционизме предпочитаемыми исследовательскими методами стали этнографические – включенное наблюдение, глубокое и полуструктурированное интервью, документирование событий, – благодаря которым можно выявить субъективные переживания и понять социальное то есть осмысленное поведение людей.

В Чикагской школе возник жанр, который, несмотря на преимущественное исследование ею событий современной городской жизни, по своей природе относился к этнографическому описанию. П.Аткинсон [34] отмечает, что при знакомстве с такими работами, как “Общество на углу улицы” У.Уайта [35], читатель невольно вовлекается в сложный процесс конструирования и реконструирования реальности. Этнографическая монография Уайта, несмотря на сугубо реалистическое детализированное описание социальной жизни итало-американских уличных группировок, оказалась настоящим произведением искусства. Повествование и описание, примеры, характеристики и поясняющие комментарии складываются в искусный и искусственный продукт, и мир, в который входит читатель, уже не является непосредственно переживаемым опытом “общества на углу улицы”.

К концу XIX века между художественной литературой и социальной наукой сложились четкие стилевые и жанровые разграничения. Однако в Чикагской школе с ее акцентом на таких подходах к этнографическим материалам, как *life stories* (жизненные истории) и *slices-of-life* (срезы жизни),

происходит развитие интерпретативной методологии, сближающей этнографию с романом. Идея такой методологии, как указывает П.Кло [36], – создание текстов, в которых автору-исследователю, кроме изложения фактов, полученных в ходе полевой работы, удается представлять свой субъективный взгляд.

Повествовательный характер научного описания, акцент на субъективных переживаниях участников исследования (информантов и ученого), обязательно присутствующий в тексте индивидуальный опыт исследователя и, наконец, практика включенного наблюдения, – все это стало признаками этнографической работы социолога. В социологической литературе понятия этнографического метода и этнографии стали ассоциироваться с качественными методами (особенно со включенным наблюдением). Однако отождествить этнографический метод с качественным означало бы слишком упростить и ограничить наше рассуждение. Представители Чикагской школы, применившие этнографический подход к исследованию современного города, использовали как включенное наблюдение и интервью, так и статистические данные.

В работах этого периода содержалось убеждение, что социальная практика качественных исследователей важна постольку, поскольку она представляет голоса “других” – социальных изгоев, замалчиваемых или осуждаемых в средствах массовой информации и общественном сознании. Исследования социальных отношений внутри различных групп, субкультур, общественных движений, организаций – индустриальных предприятий, школ, больниц, тюрем, интернатов для умственно отсталых, домов престарелых – получали устойчивое название *этнографий*, а их эпистемология характеризовалась как антипозитивизм.

Канонический текст этого времени – “Мальчики в белом” Г.Беккера с соавторами [37]. Тесно увязанная с социальным контекстом и методологией социальной науки пятидесятых годов, эта работа о студентах медицинской колледжа стала попыткой придать качественному исследованию строгость количественных. В работе комбинировались многие методы: полуоткрытые и полуструктурированные интервью сочетались со включенным наблюдением и осторожным анализом материалов в стандартизированной, статистической форме. В своей классической методологической статье Г.Беккер даже вводит понятие “*квазистатистика*”: “включенный наблюдатель должен пользоваться возможностью собирать данные так, чтобы их можно было преобразовать в легитимные статистические. Однако обстоятельства полевой работы обычно препятствуют этому... Поэтому то, что получает наблюдатель, лучше назвать квазистатистикой. Его выводы, хотя и неявно числовые, не требуют точной квантификации” [38].

В анализе данных, отмечает Г.Беккер, “качественный” исследователь явно уступает своим коллегам-статистикам и потому нуждается в дополнительных ресурсах для утверждения своих выводов.

Так называемый модернистский период развития этнографического подхода в социологии (1950-1970 годы) завершился работой “Открытие

обоснованной теории” Б.Глэйзера и А.Стросса. Этнографию, или качественную социологию, неизбежно отличает налет романтичности. Со всей возможной гуманистической энергией социальные ученые представили аутсайдеров как объектов общественного внимания, маргиналов, переживающих пограничные ситуации.

В 1970-1986 годы, которые называют временем “размытых жанров” (*blurred genres*), происходило оформление парадигм, методов и стратегий исследований. Прикладные качественные исследования все больше оказывались в фокусе интереса ученых, политиков и средств массовой информации. В этот период исследовательские стратегии этнографии варьируются от обоснованной теории до “кейс-стади” и исторических, биографических, организационных и клинических исследований. В исследовательскую практику вводятся компьютерные технологии, которые в последующие десятилетия (конец 1980-х-1990-е годы) более широко применяются для качественного анализа исторических, литературных и биографических документов, транскриптов интервью и наблюдений, видео и фотоматериалов как текстов культуры¹.

Две книги К.Гирца [39] начали и закончили период “размытых жанров”. В этих работах автор доказывал, что прежние функционалистские, позитивистские, бихевиористские подходы в науках о человеке уступили дорогу более открытым, мягким, интерпретативным, открытым подходам. Их отправная точка – понятие смысла культурных репрезентаций. Называя описание определенного события, ритуала и обычая “thick” (“плотным”, “насыщенным”), Гирц полагает, что все антропологические работы были и остаются интерпретациями интерпретаций. Центральной задачей теории является воссоздание ощущения той или иной ситуации. Поскольку границы между социальными и гуманитарными науками сделались зыбкими, обществоведы стали применять гуманитарные модели, теории и методы анализа (например, семиотического, герменевтического). Научные тексты все больше напоминают художественные повествования или истории (нарративы) [40], эссе – подобия произведений искусства заменили научную статью [41]. “Золотая эра” стабильных и достаточно догматичных социальных наук закончилась, появились новые формы научного дискурса: истолкование документального фильма как художественного произведения Майлера, подобное этнографии притчевое изложение Кастанеды, теоретические трактаты Леви-Стросса, напоминающие романы о путешествиях.

¹ Характер включенности исследователя в анализ данных, формулирование и переформулирование задач их обработки принципиально изменились. Для анализа материалов качественных интервью особое значение приобрело создание специализированного программного обеспечения – пакетов программ NUD-IST, ETHNOGRAPHER и др. В России специализированные средства количественного анализа текстов стали разрабатываться с середины 90-х годов (ДИСКАНТ, КОНТЕНТ-АНАЛИЗ 1.6), а для качественного анализа еще не созданы.

Следующий важный этап относится к середине 1980-х годов. Это мощный эпистемологический поворот – *кризис репрезентации* [42]. Работы характеризуются высокой степенью осмысления методов, процесса сбора, обработки и анализа результатов, фокусируются на социальных проблемах пола, класса и расы. В этот период ведутся поиски новой модели истины и метода. Кризис репрезентации побудил качественные исследования двигаться в новом, критическом, направлении.

Было бы ошибкой утверждать, что в социологии эти этапы сменялись поступательно, вытесняя с “рынка идей” предыдущие достижения. Каждый из них представлен сегодня в исследовательской работе. Еще один важный момент: в современной этнографии постоянно происходит анализ методологии и эпистемологического статуса этой науки.

Развитие познавательных возможностей методов этнографии происходило в изменяющихся общественных условиях. Главные этнографические методы — включенное наблюдение и глубинное интервью, — изначально входившие в арсенал социального работника, позволили социологам применить подходы, ранее использовавшиеся антропологами для изучения географически удаленных сообществ, к исследованию сообществ “гражданской инаковости” (*civil otherhood*), удаленных в культурном смысле. Таинственный мир социальных проблем открывался социологу так же, как экзотическая культура антропологу. В фокусе исследовательского внимания оказался мир трущоб, городских окраин, детской преступности, наркотиков, психических расстройств, суицида. Благодаря солидному корпусу научной литературы по этнографиям города и организаций сформировалась весьма устойчивая позиция социологических школ, которые развивались в согласии с социально-политической тенденцией, общей для ряда западных стран послевоенного периода. Речь идет о концепции государства всеобщего благоденствия, актуализирующей идеал равенства и допускающей профессиональное вмешательство в частную жизнь индивидов, семей и общин. Эволюция предмета и метода, развитие теории этнографических исследований привели к существенному изменению парадигмальной палитры социологии.

Заключение

Этнография представляет собой не только научную дисциплину, конкретный способ сбора информации или жанр репрезентации полевых материалов. В настоящее время этнографическое направление в мировой социологии сложилось и методологически. Мы предлагаем называть его социальной этнографией или этнографическим методом. В отличие от этнографии в традиционном смысле, стремящейся к рациональной реконструкции социальных порядков в “аборигенных” сообществах, этнографический метод в социологии дает возможность установить смыслы, скрытые за социальными и организационными порядками современных сообществ.

Этнографические процедуры являются ограниченными в том смысле, что с их помощью трудно распространять обобщения на некую генеральную совокупность. Когда возникает необходимость показать количественные

различия между артикулированными мнениями по вопросам, хорошо осознаваемым данным сообществом, применение опросных процедур представляется предпочтительным. Однако этнографический метод оказывается незаменимым при выявлении типичного в уникальных ситуациях. Он может быть эффективным инструментом изучения групп, организаций и субкультур, делая доступными те стороны их жизни, которые не могут быть исследованы с помощью количественных подходов.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Летурно Ш.* Социология, основанная на этнографии [Пер. с франц.]. Санкт-Петербург: Издательство О.Н.Поповой, 1905. С. 4-5.
2. *Соколовский С.В.* Этнографические исследования: идеал и действительность // Этнографическое обозрение. 1993. № 2, 3; *Тишков В.А.* Советская этнография: преодоление кризиса // Этнографическое обозрение. 1992. № 1.
3. *Козенко А.В., Моногарова Л.Ф.* Эпистемология этнологии // Этнографическое обозрение. 1994. № 4. С. 7
4. *Семенов Ю.И.* Этнология и гносеология // Этнографическое обозрение. 1993. № 6. С. 18.
5. *Филиппов В.Р., Филиппова Е.И.* Crede experto: Отечественная этнология сегодня и завтра // Этнографическое обозрение. 1993. № 5. С. 3-11.
6. *Пондопуло А.Г.* От этнографии-описания к этнографии-диалогу // Одиссей: Человек в истории. Культурно-антропологическая история сегодня. М.: Наука. 1991. С. 115-124.
7. *Перепелкин Л.С.* Этнопсихология современного производства // Человек. 1990. № 6. С.104-109
8. *Арутюнян Ю.В., Дробижеева Л.М.* Многообразие культурной жизни народов СССР. М.: Мысль, 1987. С. 5
9. *Дробижеева Л.М.* Усиление общности в культурном развитии советских наций // История СССР. 1972. № 4.
10. *Бромлей Ю.В.* Этносоциальные процессы: теория, история и современность. М.: Наука, 1987. С. 162.
11. Этнография: Учебник для студентов исторических специальностей вузов / Под ред. Ю.В.Бромлея и Г.Е.Маркова. М.: Высш. шк., 1982.
12. *Гинзбург А.И., Кондратьев В.С.* К методике этносоциологического исследования городского населения // Полевые исследования Института этнографии. М.: Наука, 1979. С. 200-206; *Губогло М.Н., Шамшуров В.Н.* Организация опроса в этносоциологическом исследовании. // Итоги полевых работ Института этнографии в 1971 г. М., 1972. С. 292-297; *Дробижеева Л.М.* Этносоциологическое изучение современности // Расы и народы. Вып. 6. М., 1976. С. 64-73; *Арутюнян Ю.В., Дробижеева Л.М.* Этносоциологические исследования в СССР: Программа, методика, перспективы исследования // Социологические исследования. 1981. № 1. С.64-70; *Арутюнян Ю.В., Дробижеева Л.М.* Многообразие культурной

- жизни народов СССР. М.: Мысль, 1987; Бромлей Ю.В. Этносоциальные процессы: Теория, история и современность. М.: Наука, 1987; Зайончковская Ж.А. Новоселы в городах: Методы изучения приживаемости. М.: Статистика, 1972.
13. Историко-культурные аспекты этнографических исследований: Советская литература 1970-80-х годов. М., 1988.
 14. Громыко М.М. Молодежь в обрядовой жизни русской деревни конца XIX — начала XX вв. М.: Наука, 1985; Громыко М.М. Трудовые традиции русских крестьян Сибири (XVIII — первая половина XIX века). Новосибирск, 1975; Долгий В.М. Дореволюционный город и некоторые проблемы городской культуры // Урбанизация и рабочий класс в условиях научно-технической революции. М., 1970; Миненко Н.А. Роль крестьянской общины в организации сельскохозяйственного производства (по материалам Западной Сибири XVIII — первой половины XIX века): Трудовые традиции крестьянства. Новосибирск, 1985.
 15. Савоскул С. Русские нового зарубежья // Общественные науки и современность. 1994. № 4. С. 90-101.
 16. Бернштам Т.А. Поморы: формирование группы и системы хозяйствования. Л., 1978; Бернштам Т.Т. Будни и праздники: поведение взрослых в русской крестьянской среде XIX-XX веков // Этнические стереотипы поведения. Л., 1985; Зверев В.А. Роль семьи в закреплении и передаче опыта хозяйственной деятельности русских крестьян Сибири // Земледельческое освоение Сибири в конце XIX — начале XX века: Трудовые традиции крестьянства. Новосибирск, 1985.
 17. Зайончковская Ж.А. Развитие внешних миграционных связей России // Социологический журнал. 1995. № 1. С. 29-45.
 18. Резник Ю.М. Введение в изучение социальной антропологии: Учебно-методическое пособие. М.: Изд-во МГСУ "Союз", 1997. С. 45-48.
 19. Орлова Э.А. Введение в социальную и культурную антропологию. М.: Изд-во МГИК, 1994; Иванов В.В. Культурная антропология и история культуры // Одиссей: Человек в истории. 1989. М., 1989; Бороноев А.О., Емельянов Ю.Н., Скворцов Н.Г. Особенности развития и взаимоотношений социологии и антропологии // Проблемы теоретической социологии. СПб.: ТОО ТК "Петрополис", 1994; Очерки социальной антропологии / Ред. кол. В.Т.Пуляев, Н.Г.Скворцов, В.В.Шаронов и др. СПб.: ТОО ТК "Петрополис", 1995; Емельянов Ю.Н. Основы культуральной антропологии: Учеб. пособие. СПб.: СПб гос. ун-т., 1994.
 20. Россияне — столичные жители / Отв. ред. Ю.В.Арутюнян. М.: ИЭА РАН, 1994; Русские: этносоциологические очерки / Отв. ред. Ю.В.Арутюнян. М.: Наука, 1992; Сидоренко-Стивенсон С.А. Московские бездомные // Человек. 1996. № 2. С. 116-125.
 21. Великий незнакомец: Крестьяне и фермеры в современном мире. Хрестоматия / Сост. Т.Шанин. М.: Прогресс, 1992; Голоса крестьян: сельская

- Россия XX века в крестьянских мемуарах. М.: Аспект Пресс, 1996; Крестьяноведение. Теория, история, современность: Ежегодник. М.: Аспект Пресс, 1976.
22. Предприятия и рынок: динамика управления и трудовых отношений в переходный период (опыт монографических исследований 1989-1995 гг.) / Под. ред. В.И.Каблиной. М., 1996. С. 6-29; Романов П.В. Патернализм на предприятиях России // Провинциальное сознание в России: прошлое и настоящее. Тез. докл. конференции по исторической психологии российского сознания 4 июля 1994 г. / Самарский государственный педагогический университет. Самара: СамГПУ, 1994; Романов П.В., Козина И.М., Металина Т.А. Металлургическое предприятие "Прокат" в период экономических реформ // Крупные промышленные предприятия: перестройка управления и трудовых отношений (монографические исследования 1992-1995 гг.) / Под. ред. В.Каблиной. М.: ИМЭМО РАН, 1996. С. 8-40.
23. Burgess R.G. Field research: A sourcebook and field manual. London: Allen and Unwin, 1982. P. 164-165; Burgess R.G. In the field. London: Unwin Human, 1984; Clifford J., Marcus G.E. Writing Culture. Berkeley: The University of California Press, 1986; Hammersley M., Atkinson P. Ethnography: principles in practice. London: Routledge, 1996; Van Maanen J. Tales of the field: On writing ethnography. Chicago: University of Chicago Press, 1988; Special issues on qualitative methodology. Administrative Science Quarterly / Ed. by J.Van Maanen. 1979. N 24.
24. Романов П.В. Процедуры стратегии, подходы "социальной этнографии" // Социологический журнал. 1996. No. 3/4. С. 138-149.
25. Spradley J.P., McCurdy D.W. The cultural experience: Ethnography in a complex society. Chicago: Science Research Associate, 1972. P. 3.
26. Ellys C., Bochner A.P. Introduction // Journal of Contemporary Ethnography. V. 25. N 1. April 1996. P. 3-5.
27. Altheide D.L. Qualitative media analysis // Qualitative research methods series. Vol. 38. Thousand Oaks: Sage, 1996.
28. Ионин Л.Г. Социология культуры. М.: Логос, 1996. С. 76.
29. Denzin N., Lincoln Y. Introduction: Entering the field of qualitative research // Handbook of Qualitative Research / Ed. by N.Denzin and Y.Lincoln. Thousand Oaks: Sage, 1994. P. 1-17.
30. Hammersley M. What's wrong with ethnography? London and New York: Routledge, 1992. P. 33
31. Rosaldo R. Culture and truth: The remarking of social analysis. Boston: Beacon, 1989. P. 33.
32. Дильтей В. Описательная психология. СПб.: Алетейя, 1996. С. 152-153.
33. Вебер М. О некоторых категориях понимающей социологии // М.Вебер. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. С. 497.
34. Atkinson P. The ethnographic imagination. London: Routledge, 1994. P. 2.
35. Whyte W.F. Street corner society: The social structure of an Italian slum. Chicago: University of Chicago Press, 1981.

36. *Clough P.T.* The end(s) of ethnography: From realism to social criticism. Newbury Park, CA: Sage, 1992. P. 21-22.
37. *Becker H.S., Geer B., Hughes E.C., Strauss A.L.* Boys in white. Chicago: University of Chicago Press, 1961.
38. *Becker H.S.* Problems of interference and proof in participant observation // H.S. Becker. Sociological work. Chicago: Aldine, 1970. P. 21.
39. *Geertz C.* The interpretation of cultures. New York: Basic Books, 1973; *Geertz C.* Local knowledge. New York: Basic Books, 1983.
40. *Ярская-Смирнова Е.Р.* Нарративный анализ в социологии // Социологический журнал. 1997. N 3. С. 38-61.
41. *Geertz C.* Works and lives: The anthropologist as author. Stanford, CA: Stanford University Press, 1988.
42. *Marcus G., Fisher M.* Anthropology as culture critique. Chicago: University of Chicago Press, 1986; *Turner V., Bruner E.* The anthropology of experience. Urbana: The University of Illinois Press, 1986; *Clifford J., Marcus G.E.* Writing culture. Berkeley: The University of California Press, 1986.